

ИСТОРИЯ ОДНОГО ТОРГОВОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Андрей Андреевич Сидоров получил в наследство от своей мамы четыре тысячи рублей и решил открыть на эти деньги книжный магазин. А такой магазин был крайне необходим. Город коснел в невежестве и в предрассудках; старики только ходили в баню, чиновники играли в карты и трескали водку, дамы сплетничали, молодежь жила без идеалов, девицы день-деньской мечтали о замужестве и ели гречневую крупу, мужья били своих жен, и по улицам бродили свиньи.

"Идей, побольше идей! - думал Андрей Андреевич. - Идей!"

Нанявши помещение под магазин, он съездил в Москву и привез оттуда много старых и новейших авторов и много учебников, и расставил все это добро по полкам. В первые три недели покупатели совсем не приходили. Андрей Андреевич сидел за прилавком, читал Михайловского и старался честно мыслить. Когда же ему невзначай приходило в голову, например, что недурно бы теперь покушать леца с кашей, то он тотчас же ловил себя на этих мыслях: "Ах, как пошло!" Каждый день утром в магазин опрометью вбегала озябшая девка в платке и в кожаных калошах на босую ногу и говорила:

- Дай на две копейки уксусу!

И Андрей Андреевич с презрением отвечал ей:

- Дверью ошиблись, сударыня!

Когда к нему заходил кто-нибудь из приятелей, то он, сделав значительное и таинственное лицо, доставал с самой дальней полки третий том Писарева, сдувал с него пыль и с таким выражением, как будто у него в магазине есть еще кое-что, да он боится показать, говорил:

- Да, батенька... Это штучка, я вам доложу, не того... Да... Тут, батенька, одним словом, я должен заметить, такое, понимаете ли, что прочтешь да только руками разведешь... Да.

- Смотри, брат, как бы тебе не влетело!

Через три недели пришел первый покупатель. Это был толстый, седой господин с бакенами, в фуражке с красным околышем, по всем видимостям, помещик. Он потребовал вторую часть "Родного слова".

- А грифелей у вас нет? - спросил он.

- Не держу.

- Напрасно... Жаль. Не хочется из-за пустяка ехать на базар...

"В самом деле, напрасно я не держу грифелей, - думал Андрей Андреевич по уходе покупателя. - Здесь, в провинции, нельзя узко специализироваться, а надо продавать всё, что относится к просвещению и так или иначе способствует ему".

Он написал в Москву, и не прошло месяца, как на окне его магазина были уже выставлены перья, карандаши, ручки, ученические тетрадки, аспидные доски и другие школьные принадлежности. К нему стали изредка заходить мальчики и девочки, и был даже один такой день, когда он выручил рубль сорок копеек. Однажды опрометью влетела к нему девка в кожаных калошах; он уже раскрыл рот, чтобы сказать ей с презрением, что она ошиблась дверью, но она крикнула:

- Дай на копейку бумаги и марку за семь копеек!

После этого Андрей Андреевич стал держать почтовые и гербовые марки и кстати уж вексельную бумагу. Месяцев через восемь (считая со дня открытия магазина) к нему зашла одна дама, чтобы купить перьев.

- А нет ли у вас гимназических ранцев? - спросила она.

- Увы, сударыня, не держу!

- Ах, какая жалость! В таком случае покажите мне, какие у вас есть куклы, но только подешевле.

- Сударыня, и кукол нет! - сказал печально Андрей Андреевич.

Он, недолго думая, написал в Москву, и скоро в его магазине появились ранцы, куклы, барабаны, сабли, гармоники, мячи и всякие игрушки.

- Это все пустяки! - говорил он своим приятелям. - А вот погодите, я заведу учебные пособия и рациональные игры! У меня, понимаете ли, воспитательная часть будет зиждиться, что называется, на тончайших выводах науки, одним словом...

Он выписал гимнастические гири, крокет, триктрак, детский бильярд, садовые инструменты для детей и десятка два очень умных, рациональных игр. Потом обыватели, проходя мимо его магазина, к великому своему удовольствию увидели два велосипеда: один большой, другой

поменьше. И торговля пошла на славу. Особенно хороша была торговля перед Рождеством, когда Андрей Андреевич вывесил на окне объявление, что у него продаются украшения для елки.

- Я им еще гигиены подпущу, понимаете ли, - говорил он своим приятелям, потирая руки. - Дайте мне только в Москву съездить! У меня будут такие фильтры и всякие научные усовершенствования, что вы с ума посойдете, одним словом. Науку, батенька, нельзя игнорировать. Не-ет!

Наторговавши много денег, он поехал в Москву и купил там разных товаров тысяч на пять, за наличные и в кредит. Тут были и фильтры, и превосходные лампы для письменных столов, и гитары, и гигиенические кальсоны для детей, и соски, и портмоне, и зоологические коллекции. Кстати же он купил на пятьсот рублей превосходной посуды и был рад, что купил, так как красивые вещи развивают изящный вкус и смягчают нравы. Вернувшись из Москвы домой, он занялся расстановкой нового товара по полкам и этажеркам. И как-то так случилось, что, когда он полез, чтобы убрать верхнюю полку, произошло некоторое сотрясение и десять томов Михайловского один за другим свалились с полки; один том ударил его по голове, остальные же попадали вниз прямо на лампы и разбили два ламповых шара.

- Как, однако, они... толсто пишут! - пробормотал Андрей Андреевич, почесываясь.

Он собрал все книги, связал их крепко веревкой и спрятал под прилавок. Дня через два после этого ему сообщили, что сосед бакалейщик приговорен в арестантские роты за истязание племянника и что лавка поэтому сдается. Андрей Андреевич очень обрадовался и приказал оставить лавку за собой. Скоро в стене была уже пробита дверь и обе лавки, соединенные в одну, были битком набиты товаром; так как покупатели, заходившие во вторую половину лавки, по привычке все спрашивали чаю, сахару и керосину, то Андрей Андреевич, недолго думая, завел и бакалейный товар.

В настоящее время это один из самых видных торговцев у нас в городе. Он торгует посудой, табаком, дегтем, мылом, бубликами, красным, галантерейным и москательным товаром, ружьями, кожами и окороками. Он снял на базаре ренсковый погреб и, говорят, собирается открыть семейные бани с номерами. Книги же, которые когда-то лежали у него на полках, в том числе и третий том Писарева, давно уже проданы по 1 р. 5 к. за пуд.

На именинах и на свадьбах прежние приятели, которых Андрей Андреевич теперь в насмешку величает "американцами", иногда заводят с ним речь о прогрессе, о литературе и других высших материях.

- Вы читали, Андрей Андреевич, последнюю книжку "Вестника Европы"? - спрашивают его.

- Нет, не читал-с... - отвечает он, шурясь и играя толстой цепочкой. - Это нас не касается. Мы более положительным делом занимаемся.

А.П. ЧЕХОВ.

Знаешь, осень, ты всегда права...

Шелестит тихонечко листва,
Медленно на землю опускаясь.
Осень-дирижер, махнув едва
Палочкой, картину вдруг меняет.

И уже сегодня не узнать,
Тех пейзажей, что вчера лишь были,
Быстро декорации менять,
Только осень может, мы любили,

Золото листвы и пышность крон,
Что редели с каждым днем сильнее,
По стеклу дождливых капель звон,
Ну, а дни осенние быстрее,

Пролетели, словно торопясь,
Нас к зиме умело приближая.
Осень хмурилась, и вдруг, почти смеясь,
Нас теплом и солнцем награждая.

Знаешь, осень, ты всегда права,
Разная, красивая, любая,
Зеленеет ласково трава,
А потом мгновенно замерзает.

И, конечно, можно сожалеть,
О тепле и времени летящем,
Только если мудро посмотреть,
В ракурсе добра, то настоящим,

Станет каждый прожитый наш день,
Благодать, любое время года,
Пусть уйдет печали серой тень,
Ведь прекрасна всякая погода.

Демоническая женщина

Демоническая женщина отличается от женщины обыкновенной прежде всего манерой одеваться. Она носит черный бархатный подрясник, цепочку на лбу, браслет на ноге, кольцо с дыркой «для цианистого калия, который ей непременно пришлют в следующий вторник», стилет за воротником, четки на локте и портрет Оскара Уайльда на левой подвязке.

Носит она также и обыкновенные предметы дамского туалета, только не на том месте, где им быть полагается. Так, например, пояс демоническая женщина позволит себе надеть только на голову, серьгу на лоб или на шею, кольцо на большой палец, часы на ногу...

За столом демоническая женщина ничего не ест. Она вообще никогда ничего не ест.

- К чему?

Общественное положение демоническая женщина может занимать самое разнообразное, но большею частью она - актриса. Иногда просто разведенная жена.

Но всегда у нее есть какая-то тайна, какой-то не то надрыв, не то разрыв, о которой нельзя говорить, которого никто не знает и не должен знать.

- К чему?

У нее подняты брови трагическими запятыми и полуопущены глаза.

Кавалеру, провожающему ее с бала и ведущему томную беседу об эстетической эротике с точки зрения эротического эстета, она вдруг говорит, вздрагивая всеми перьями на шляпе:

- Едем в церковь, дорогой мой, едем в церковь, скорее, скорее, скорее. Я хочу молиться и рыдать, пока еще не взошла заря.

Церковь ночью заперта.

Любезный кавалер предлагает рыдать прямо на паперти, но «она» уже угасла. Она знает, что она проклята, что спасенья нет, и покорно склоняет голову, уткнув нос в меховой шарф.

- К чему?

Демоническая женщина всегда чувствует стремление к литературе. И часто втайне пишет новеллы и стихотворения в прозе. Она никому не читает их.

- К чему?

Но вскользь говорит, что известный критик Александр Алексеевич, овладев с опасностью для жизни ее рукописью, прочел и потом рыдал всю ночь и даже, кажется, молился... Последнее, впрочем, не наверное. А два писателя пророчат ей огромную будущность, если она наконец согласится опубликовать свои произведения. Но ведь публика никогда не сможет понять их, и она не покажет их толпе.

- К чему?

А ночью, оставшись одна, она отпирает письменный стол, достает тщательно переписанные на машинке листы и долго оттирает резинкой начерченные слова: «Возвр.», «К возвр».

- Я видел в вашем окне свет часов в пять утра.

- Да, я работала.

- Вы губите себя! Дорогая! Берегите себя для нас!

- К чему?

За столом, уставленным вкусными штукаками, она опускает глаза, влекомые неодолимой силой к заливному поросенку.

- Марья Николаевна, - говорит хозяйке ее соседка, простая, не демоническая женщина, с серьгами в ушах и браслетом на руке, а не на каком-либо ином месте, - Марья Николаевна, дайте мне, пожалуйста, вина.

Демоническая закрывает глаза рукою и заговорит истерически:

- Вина! Вина! Дайте мне вина, я хочу пить! Я буду пить! Я вчера пила! Я третьего дня пила и завтра... да, и завтра я буду пить! Я хочу, хочу, хочу вина!

Собственно говоря, чего тут трагического, что дама три дня подряд понемножку выпивает? Но демоническая женщина сумеет так поставить дело, что у всех волосы на голове зашевеливаются...

- Пьет.

- Какая загадочная!

- И завтра, говорит, пить буду...

Начнет закусывать простая женщина. Скажет:

- Марья Николаевна, будьте добры, кусочек селедки. Люблю лук.

Демоническая широко раскроет глаза и, глядя в пространство, завопит:

- Селедка? Да, да, дайте мне селедки, я хочу есть селедку, я хочу, я хочу. Это лук? Да, да, дайте мне луку, дайте мне много всего, всего - селедки, луку, я хочу есть, я хочу пошлости, скорее... больше... больше, смотрите все... я ем селедку!

В сущности, что случилось?

Просто разыгрался аппетит и потянуло на соленькое! А какой эффект!

- Вы слышали? Вы слышали?

- Не надо оставлять ее одну сегодня ночью.

- А то, что она, наверное, застрелится этим самым цианистым кали, которое ей принесут во вторник...

Бывают неприятные и некрасивые минуты жизни, когда обыкновенная женщина, тупо уперев глаза в этажерку, мнет в руках носовой платок и говорит дрожащими губами:

- Мне, собственно говоря, ненадолго... всего только двадцать пять рублей. Я надеюсь, что на будущей неделе... или в январе... я смогу...

Демоническая ляжет грудью на стол, подопрет двумя руками подбородок и посмотрит вам прямо в душу загадочными, полужакрытыми глазами:

- Отчего я смотрю на вас? Я вам скажу. Слушайте меня, смотрите на меня... Я хочу - вы слышите? - я хочу, чтобы вы дали мне сейчас же... вы слышите? - сейчас же двадцать пять рублей. Я этого хочу. Слышите? - хочу. Чтобы именно вы, именно мне, именно мне, именно двадцать пять рублей. Я хочу! Я твварь!... Теперь идите... идите... не оборачиваясь, уходите скорей, скорей... Ха-ха-ха!

Истерический смех должен потрясать все ее существо, даже оба существа - ее и его.

- Скорей, скорей! Не оборачиваясь! Уходите навсегда, на всю жизнь! Ха-ха-ха..!

И он «потрясется» своим существом и даже не сообразит, что она просто перехватила у него четвертную без отдачи.

- Вы знаете, она сегодня была такая странная... загадочная. Сказала, чтобы я не оборачивался.

- Да. Здесь чувствуется тайна.

- Может быть... она полюбила меня...

- !

- Тайна !.....

ТЭФФИ.

ТЫ УХОДИШЬ...

Тает снег быстрее шоколада,
 Что тобой забыт был на окне.
 Ты уходишь? Надо, значит надо.
 Дверью хлопнешь, и войдет досада,
 Выиграв преимущество в войне.
 Я останусь раненый и грешный,
 Наблюдать, как вянет роз букет,
 И увижу, как выходит спешно,
 Грустно, безотрадно, безутешно
 Твой прекрасный, стройный силуэт.
 Этот бой я проиграл досрочно.
 Оказавшись в ловкой западне.
 Мне тебя увидеть надо срочно!
 Таю... И со мною так же точно
 Тает шоколад твой на окне.

Максим Сафулин. Усть-Илимск.

Осенний ноктюрн

Не услышать в саду полуночный ноктюрн,
 Позади соловьиные трели.
 Дед-сентябрь цветниками в огне хоть и юн,
 Приостыл в дождевой канители.
 А вчера, говорят, улетали скворцы.
 Небо светлое в ночь зачернили,
 Облепили деревья в саду беглецы,
 Все кружили, прощаясь, кружили.
 Открываю окно в свой задумчивый сад,
 В гости просится синяя слива,
 В тон ее снова ночь надевает наряд,
 Постепенно так, несуетливо.
 Тишину не нарушили даже сверчки,
 Где-то яблоко разве упало.
 Надышавшись прохладой, надену очки
 Напишу новой пьесы начало.

Сайт «Свете тихий»

Светлана Тишкина

Я за тобой пойду на край земли...

Г.А.Канчели «Оплаканный ветром», III Larghetto

Как-то, прогуливаясь по городу своей юности, я повстречал одного человека, с которым нас некогда, в бытность нашу студентами, связывала большая дружба. Друг мой, как и в прежние годы, выглядел изящно. Все в нем - от взгляда и походки, до манеры выкуривать сигару и говорить, - все было полно тонкой, аристократической грации. За это его все любили; за это отчасти дружил с ним и я, находя его личность объектом для подражания. Но более всего меня прельщало в нем своеобразное видение мира, выражающееся в непрерывном стремлении к лучшему, в отказе от всяческих традиций и поиске собственного, совершенного пути, в способности безжалостно порывать со всем тем, что мешает движению по этому пути или тормозит его. Только такой человек, как мне казалось, может стать всецело свободным, по-настоящему независимым. Раньше таких людей называли западниками. Теперь их образ мыслей и жизни стал обыкновенным для большей части населения, но во многом порицаем коренными жителями...

Как и я, после окончания университета, он эмигрировал - уехал на историческую родину, стал уважаемым человеком и крупным промышленником где-то на Урале. Но судьбе было угодно уготовить нам встречу здесь, в далекой стране, где прошла наша молодость.

Стоял промозглый зимний день, на улицах было безлюдно и сумрачно; разыгралась какая-то немислимая буря, от которой всю округу заволочило туманом, и только маленький купол дальнего минарета не давал нам заблудиться в этой снежной кутерьме.

«А ведь где-то здесь жила моя первая любовь», - сказал он, когда мы проходили мимо окон старых мазанок. «Ах, молодость... Какая глупость!» - рассмеялся он. Я был удивлен его богатой, насыщенной жизнью. Ах, если бы я знал, что в это время за окнами нищего жилища доживали свои последние дни бедная женщина и ее маленькая дочь, ставшие жертвами этого самовлюбленного человека, коим я восхищался до сих пор!..

=====

- А это зеркальце подарил мне твой папа, когда тебя еще и на свете не было вовсе.

В отражении светлого стекла с любопытством замигали две карие точки.

- Папа... Я его этой ночью во сне видела: он был грустный, и с бородой...

Картина I

В комнате воцаряется молчание, изредка перебиваемое кашлем матери. Солнце уже давно зашло. Сквозь широкую щель в оконной раме слышен нарастающий вой ветра. Вдали пробежала по лужам чья-то тень и сгнула в сырой мгле.

Девочка с плюшевым мишкой на руках подвигается ближе к матери и с любопытством рассматривает зеркало в пурпурной, деревянной раме.

- Я за то-бой пой-ду на кла... крррай земли, - читает она выгравированные на обороте слова. - Это он написал?

Но мать задумчиво смотрит в черное окно. Руки ее худы и слабы, заломленные пальцы кажутся заостренными от холода.

Девочка тихо кладет зеркало в ворох безвестных предметов, разбросанных на кровати, и внимательно вглядывается в лицо матери.

- Представляешь, - продолжает она, - он меня во сне даже на коленке покатал... И сказал: "Наденька, слушайся маму". А голос у него... как у деда Мороза!

Наденька, конечно же, лукавит, она не видела во сне отца, да и не могла его там видеть, поскольку никогда его не знала: он ушел от них, когда девочке едва исполнился год. Ушел бесследно, как уходят первые детские воспоминания. Всякие же приметы его минувшего существования были тщательно стерты матерью, а рассказы о нем стали запретной темой. Ни его лица, ни голоса - ничего не осталось в памяти дочери об отце. Все, что Наденька знала о нем, так это лишь то, что он уехал далеко-далеко и никогда больше не вернется. Потому-то теперь, уловив момент, когда мать вдруг вспомнила об отце, девочка и выдумала эту историю о сне, нарочно придав ночному гостю столь необычные черты, в надежде услышать какое-нибудь возражение и тем самым создать в воображении хоть самый отдаленный портрет отца...

- А почему он бросил нас? Он нас разлюбил, ведь так?

Но мать молчит.

- А когда ты разлюбишь меня, ты тоже уйдешь? Не уходи, слышишь! Я все равно пойду за тобой! - губы девочки охватывает дрожь, в глазах появляется блеск.

- Не говори ерунды, - произносит мать, очнувшись от забытья, - спать уже пора. Укройся потеплее... вот так... Холодно теперь совсем.

Убрав раскиданные вещи на подоконник, женщина тушит свет и ложится рядом.

Долго не спится девочке: всю ночь она слышит за спиной тяжкое дыхание матери, срывающееся в кашель. Всю ночь за окном гуляют черные, холодные ветра, бьются в слабое стекло; обернись - и, кажется, ворвется стихия в комнату, сметет всё на своем пути, развеет всё сущее в пыль. Чудится ей всё, что в отражении зеркала, покоящегося на студенном подоконнике, неотступно мелькает чей-то потусторонний взор, с беспечным равнодушием наблюдая за ней, за ее матерью, за комнатой. От страха девочка прижимает к сердцу плюшевого мишку и зарывается лицом в подушку. Наконец, далеко за полночь, она засыпает и видит тяжкий, черный сон: будто смотрит она в зеркальце, а оттуда ей улыбается мать; но вдруг улыбка стирается, лицо покрывается туманом и всё меркнет в сырой мгле. Хочется кричать, звать, но голоса как не бывало, а за стеклом лишь холодные ветра разгуливают, точно рыщут в поисках кого-то...

Картина II

О, сны, сны... Чего же только не привидится в зимнюю ночь бедному ребенку. Но все проходит. Вот и Наденька наутро уже забылась. Позавтракав и проводив мать, она усаживается на полу и ведет игру с любимой мягкой игрушкой.

- Привет, меня зовут Надя, а тебя?

- А меня - Миша, - отвечает она себе же голосом низким, насколько он только может быть низким у шестилетней девочки.

Одна игра сменяется другой. Сначала Надя - врач, после - мама бедного мишутки, а уж затем, конечно же, учительница. И не беда, что в ее самодельном классе всего лишь один ученик, да и тот изрядно потрепанный - девочка уже давно привыкла к бедности.

- Укройся потеплее! - строго говорит она медведю, надевая на него свое платье. - Холодно теперь совсем!

Усадив его у кровати, Наденька принимается важно расхаживать по комнате.

- Отвечать будет... Ага! Миша! Вот тебе карандаш. Пиши... Что бы тебе такое задать, а? А, вот! Пиши, дорогой Миша...

Девочка берет с подоконника зеркальце и диктует:

- Я за то-бой... - после буквы т пиши о! - пой-ду на крррай земли... На край земли... А где у нее этот край, а Миш? И почему идти надо всего лишь на край? Ведь если любишь, пойдешь и за край, и куда угодно? А?

Так, в играх, проходит очередной день Надиной жизни. А смеркается рано. И уже в сумрачной комнате, в тишине, она сладко дремлет, прижав к себе единственного своего друга.

Мать возвращается поздно. Взяв с порога тяжелый мешок с ветошью, Наденька помогает ей раздеться.

- Как дела?

Но женщина не отвечает, лишь непрерывно кашляет. Пройдя в комнату, она, задыхаясь от долгой дороги, без сил ложится на кровати и смотрит в черное окно. Девочка укладывается рядом. Время ужина давно миновало, но Надя молчит, она уже знает: сегодня ее мать не заработала и на корку хлеба...

- Как ты думаешь, есть ли у земли край? - спрашивает она.

- Конечно.

- А что за этим краем?

- Смерть.

- А кто этот - Смерть?

- Тот, кто забирает людей.

Девочка долго думает, глядя в ночь. Ей еще неизвестно это слово. В ее воображении рисуются самые разнообразные картины: баснословные просторы с красными дюнами до навеки истлевших небес, реки песка, вязко спускающиеся в туманную бездну, и люди, люди... Уставшие, безмолвные, недвижимые, распластавшиеся по всей необозримой дали, вперившие потух-

шие бельма в бесконечность, в дым. Всех их забрал Смерть. Вот он, громадный, в безупречном костюме, стоит среди мрака и пустоты, курит сигару и лукаво улыбается...

- А куда попадают люди после Смерти? - едва слышно произносит Надя.

- В зеркало.

- А как спастись от Смерти? - спрашивает она, немного погодя.

Но ответа нет.

Скоро она засыпает.

Картина III

Так проходят Надины дни - однообразные, тягучие. Игры ее уже не радуют. Все время она проводит перед зеркальцем. Только теперь, в тусклом отражении, она замечает, как мала их комната и как она скучна: потолок и стены, покрытые сероватой плесенью от сырости и частых дождей; потускневшие обои, на которых еще можно разобрать рисунок неведомой пустыни; желтый ковер, изъеденный крысами, спускающийся под прогнивший, бездонный комод; и маленькая, хрупкая девочка в ветхом платье, с жиденькими волосами и карими глазами.

Иногда, когда на улице пасмурно, и в комнате становится темно и тоскливо, а в зеркальце совсем ничего не видно, Наденька напевает про себя колыбельную - ту самую, которую ей когда-то пела перед сном мать:

Когда так грозно грохочет гром,
Я спрятал бы деток, укрыл бы их в дом...
В такую бурю, грозу и град -
Они как дома спокойно спят:
От всяких бурь укрыты,
Рукой Творца прикрыты, -
Они теперь как дома тихо спят...

Бывает, сидя перед собственным отражением, девочка и вовсе наблюдает таинственные видения. И тогда, закрыв лицо ладошкой, она шепчет в никуда только ей понятные слова, среди которых можно разобрать лишь слово «спаси», повторяемое много-много раз...

Она ненавидит это зеркало, боится его, но необъяснимое желание заглянуть по ту сторону сильнее ненависти и страха. И скоро эта покорность желанию сыграет с Надей злую шутку: в один из самых темных вечеров, когда на небе нет ни одной звезды, и мертвая Луна не в силах развеять мрак и ужас в душах бедных людей, когда нестерпимо хочется выбраться из смуты и тьмы, но осознание невозможности этого погружает в еще большее отчаяние, - в один из таких вечеров девочка не сможет удержать в маленьких ручках зеркальце, неловко опрокинет его, и оно пронзит ее сердце звенящим звуком. В ту же минуту в дверь постучится мать.

Наденька, поставив зеркальце на прежнее место, и сжав сколотый кусочек в руке, в испуге перед предстоящим наказанием, откроет матери. Но наказания не последует.

А увиденное станет для девочки куда страшнее любого наказания: бедная женщина в приступе сильного кашля и кровавый платок в ее руке.

И струйка алой крови из маленькой ручки девочки - под впечатлением увиденного она так сильно сжала кулачки, что забылась и порезалась осколком зеркала.

Картина IV

- Не ходи сегодня на работу. - говорит Надя за утренним столом. - Не ходи, слышишь?

- А что мы кушать будем? - отвечает ей мать, задумчиво разрезая черствый ломоть.

- Пойди к врачу, ты больна! Разве ты не видишь?

Но мать молчит. Лицо ее совсем бледно, руки до того слабы, что не сразу могут совладать с ножом.

- Пойди к врачу, слышишь? - умоляющим голосом просит ее девочка.

- Сейчас чай пить будем, - улыбаясь, отвечает мать.

Девочка встает с табурета и повторяет прежнюю просьбу, но мать молчит.

- Прошу тебя, пойдем в больницу!

- Если суждено, то никакие врачи не помогут, Надя. На то не наша воля.

Все уговоры так и остаются безответными. Выпив залпом приготовленный матерью чай, девочка убегает из-за стола и, уткнувшись в любимую игрушку, лежит с закрытыми глазами. Еще долго слышит она непрерывный кашель матери; каждую секунду ей кажется, что сейчас он ее погубит, что вот-вот, и случится нечто страшное, непоправимое. Не выдержав, она достает спрятанный осколок зеркальца и при каждом кашле матери, вонзает его острием в руку. Ей думается, что так, ценой собственной крови, она в силах хоть как-то облегчить страдания матери, перенять ее боль на себя, разделить с ней ее участь...

После, оставшись одна, девочка раскрывает настежь окно и высовывается по пояс наружу. Белый туман заполонил всю округу; кое-где, тихо, как во сне, иной раз проплывет неведомый силуэт в темных одеяниях и скроется в снежной пучине, - гляди не гляди - нет ответа; трескучий мороз пробирает ее до костей, но Надя неотступна перед своим намерением: она ясно помнит, как в прошлом году, на исходе декабря, провела вместе с матерью двое суток на торговых рядах, ночуя под открытым небом, как потом занемогла и пролежала в сладких грезах, в беспмятстве, чуть ли не неделю. Вот и теперь она решила заболеть, потерять разум, уснуть в тяжком бреду, лишь бы не застать нечто ужасающее, самой ей еще непонятное, а потому пугающее.

Но мысли ее скоро рассеиваются приближающимися голосами. Среди бледной завесы из нескончаемого снегопада она различает фигуры двух мужчин.

- Да, точно. Где-то здесь, - говорит один из них, высокий, статный, одетый с иголки. - В каком-то из этих окон, уж и не вспомню. Сколько лет прошло... Пять-шесть?

- Небось, красивая была? - спрашивает его другой.

- Сиротка, каких сотни. Но было в ней что-то, знаешь... эдакое!

- Ну, хоть любил?

- Что есть любовь? Лишь дым!

Ответив так, он выпускает изо рта клубы табачного дыма и лукаво улыбается.

- А вообще, я тебе скажу, надо стремиться к совершенству. Все в наших руках, мой друг. И если у человека чего-то нет в этой жизни, он сам виноват в этом. Сам!

Через несколько секунд их слов уже не разобрать, вскоре исчезают и они сами.

Закрыв окно, Надя отрывает игрушечному мишке голову и кидает ее вон.

Картина V

Как хорошо, как прозрачно ночное небо! Как манящи его звезды и как далек их холодный свет! Уже третью ночь Надя наблюдает за сгорающими в бесконечности кометами. Каждый час она то и дело отлучается от окна, чтобы поднести ко лбу матери холодное полотенце. Больше она ничего не умеет, ничего она более не может сделать для человека, находящегося в жару и агонии. Когда-то и мать так прикладывала к ее воспаленным векам влажную простыню; теперь настал ее черед...

- Тебе легче? Прошу тебя, тебе легче?

Но в ответ лишь тяжкое дыхание и судорожные вздохи.

Несколько мгновений девочка стоит в растерянности. Затем, смочив в холодной воде очередной платок и приложив его к разгоряченному лбу матери, садится у подоконника и рисует портрет мужчины с длинными волосами и окладистой бородой; глазам его она придает спокойный, благородный, даже смиренный взгляд, но в смирении этом видится небывалая сила духа и непобедимое могущество. Нарисованный портрет она прислоняет к зеркальцу. До самого расвета она разговаривает с портретом, будто с живым. Сквозь шепот и тихие всхлипывания можно лишь разобрать слово - «спаси».

Под утро Надя, уставшая, изрядно истощенная бессонными ночами, подходит к матери, чтобы сменить мокрую повязку. Подходит медленно, осторожно. В едва различимых чертах она видит улыбку женщины.

- Тебе легче? - спрашивает она. - Легче, ведь так?

Но ответа нет.

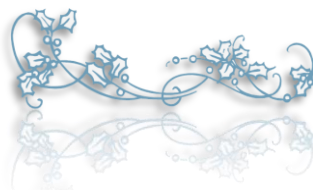
Наклонившись, девочка берет ее за руку. Но тяжелая рука тотчас падает на мокрую постель, улыбка матери стирается, лицо покрывается туманом, и всё меркнет в сырой мгле.

Надя ложится навзничь рядом и напевает колыбельную, которую ей когда-то пела мать:

Когда так грозно грохочет гром,
Я спрятал бы деток, укрыл бы их в дом...

В следующую ночь разыграется страшная гроза. Будет лить протяжный, угрюмый дождь; сильный ветер расплескает его холодные капли по всей необозримой дали. А в самый темный час, когда в беспросветном, точно занавешенном траурной тканью, небе не останется никакой надежды, стихия распахнет окна и ворвется бурей в маленькую комнатку, небрежно бросив на пол тетрадный листок с детским рисунком и угловатой подписью: «Папа, спаси». Наконец, вспыхнет яркая молния и, то ли грозный раскат грома, последующий за ней, то ли некая неведомая сила, то ли большая фантазия стареющего писателя столкнет с промокшего подоконника хрупкое зеркальце - и все навеки провалится во тьму...

Демьян Баритонов. Тегеран.

Увядшие фиалки

Увядшие фиалки... О запах издалека!
Откуда он донесся, уже потусторонний?
Из юности забытой, ушедшей без упрека?
Из женского ли сердца, из женских ли ладоней?

А, может, залетел он по прихоти случайной
рассеянного ветра, затихшего за лугом?
Или в стране забвенья, зеленой и печальной,
он вторит отголоском надеждам и разлукам?

Но по-девичьи пахнет весенними ночами
и старыми стихами, и первыми слезами -
серебряным апрелем, померкшим от печали,
...безоблачной печали, смеявшейся над нами...

Хименес.

АЗОВСКИЕ ВОЛНЫ

АЗОВСКИЕ ВОЛНЫ
(1)

Пласты полыхали солёною пеной,
на гребнях цветков распуская мгновенно
лилейным и снежно-лазурным ажуром, -
был шёпот их шёлка не слышен за шумом.

Пластами - восстали, пластами - сползали,
пластами зелёными - лились слезами,
стремясь по-пластунски в рассол бирюзовый
бодрящего, крепкого ветром Азова,

сплетались... ползли переливами линий
искрящихся и лазуритовых лилий
высокие струи и резвые брызги,
осевшие толщи собою опрыскав.

Лишь белый хлопок на взлетевших качелях
качался и таял в туннелях течений,
и шлёпались шатко штaketники вала,
шипя и змеясь в толкотне небывалой.

Азов, свой распахнутый зев предъявляя,
глотал облака, их валами облаяв.
И волны, зелёные чистые волны,
рассвета несли отгоревшие чёлны.

2014 г.

Светлана Скорик. Украина.

Август 2017 г., пансионат "Сан Сити"

<http://stihy.pro/13747-azovskoye-more.htm>